

Там прибыль – выше подвига и жизни

С какой радостью и великим душевным подъемом солдат покидает войну. Выполнив свой мужской долг, разгромив врага, он возвращается к новой жизни: к родным, стосковавшей по теплу рук земле, к работе и созиданию. Так было всегда. Защитник Отечества знал, за что он смотрел смерти в лицо. У сегодняшних российских воинов состояние души совсем иное.

Сотни тысяч вчерашних юношей и парней, изведавших на своей шкуре подлость и грязь чеченской кампании, заглянувших в сердцевину этой «внутренней» войны, не считают себя победителями. Праведное ратное дело не закончено (и конца ему не видно!), полученные ранения, как крест, они будут нести всю жизнь самолично, крепкие и трудолюбивые их руки не пользуются спросом, да еще и «боевые» деньги, заработанные на поле брани, оседают в чьих-то кошельках.

Говорят, деньги не пахнут. Но в том-то и заключается дикость, абсурд, противоестественность этой войны, что она не просто велась на наши народные средства, а ее целью являлось обогащение и извлечение прибыли. Естественно, не для рядовых и даже не для боевых генералов. И все эти пропитанные смертью суммы пахнут кровью, страхом, обманом.

Вернувшийся из Закавказья в город очередной солдат войны поделился своим видением событий, в гущу которых его бросила судьба-злодейка. Упомянуть имя повествователя мне подумалось не совсем оправданным – слишком откровенны и непривычны его признания.

– До сих пор слышу от молодых ребят: если попаду в армию, то уж лучше оказаться в Чечне, там деньги огромные платят. Неужели они даже не задумываются, за что и из каких средств причитаются эти суммы? Если это твой воинский долг и ты не наемник, то почему тебе платят? Разве естественно получать 1 тысячу 200 рублей за сутки (в разгар военной кампании полагалось 800 рублей)? Откуда такая немислимая цена? Или иначе не оправдать ведение там боевых действий?

(Действительно, «задабривание» деньгами можно объяснить либо стимулом для поднятия духа и мужества армии, сражающейся на собственной территории,

либо для создания бездонной «кормушки» армейским финансистам. Кто сможет сказать, сколько невыплаченных денег позаимствовано у погибших, пропавших без вести, раненых и даже живых? – авт.).

О том, что новобранец может погибнуть, он даже не думает. Что за этим кроется: покорность судьбе или нищенская безденежная жизнь? Смиренно, как о давно решенном, рассуждают, пусть погибну – деньги-то родителям достанутся. Да нужны ли они ценой твоей жизни? Проклятые эти бумажки жечь будут до последнего вздоха!

У нас не было времени думать о вознаграждении, мы днем и ночью находились в боевой готовности, так как часть могли бросить в любом направлении. В 205-й отдельной мотострелковой казачьей бригаде начинал с батальона пехоты, затем дни мои, пропахшие солярой и маслом, отсчитывались в ремонтно-эксплуатационном взводе автобата. А когда война начала пожирать ресурсы, мы крутились волчком в роте материального обеспечения, без роздыха занимаясь погрузкой-разгрузкой.

Уже тогда я понял, сколь рьяно и исполнительно ни служи, но, не угодив командиру самостоятельностью и характером, попадешь в набор на передовую. Желающих тогда не хватало, а сформировать из «строптивых» боееспособную часть не составляло труда. Так я оказался в автоколонне на пути к Грозному. Бросок из Буденновска в Моздок, ночевка в один глаз и вполуха, а наутро 9 января 2000 года мы вышли на окраину мятежной столицы.

Я не склонен подвергать критике обмундирование и вооружение наших солдат, мне не с чем сравнивать. Но разговоры о неэффективной или устаревшей боевой технике считаю беспочвенными. Я видел эту мощь воочию. Те же «САУшки» (САУ – самоходная артиллерийская установка), переброшенные нашей колонной. Каждая с пяти выстрелов сравнивает с землей пятиэтажку – по залпу на подъезд, а пятым обрушивает крышу на развалины.

А «УРКа» (управляемая ракета кумулятивная) подбрасывала нас ударной волной на расстоянии трех кварталов от эпицентра взрыва и обдавала кирпичной крошкой. При ее вспышке ночью становилось светло, как днем. Чувство гордости вызывала и «Шилка», зенитная установка скорострельностью 2600 выстрелов в минуту. Другое дело, что всех этих образцов было недостаточно, и нехватка компенсировалась живой силой, да и использовались они не всегда в нужном месте.

Услужливая память вновь и вновь возвращает к гигантскому, раскинувшемуся как на ладони Грозному. Просыпающийся город с десятками тысяч его обитателей, каждому из которых предначертана своя судьба. Мог ли я представлять тогда, что ждет меня? Нынче же не дает покоя шальная мысль: а если бы остановить то мгновение, тишину безмятежного города с морозной утренней дымкой, повернуть две людских массы вспять от невидимого, таящего смерть барьера?

Сразу перед моим взором встают многие сотни живых ребят, тысячи невредимых вместо искалеченных на всю жизнь, усталые, но счастливые глаза их родителей.

Разве этого мало? Но все они были проглочены безжалостным молохом войны. А чего мы добились, заплатив эту цену? Прошел год, а порядок там не восстановлен, хозяйничают по-прежнему те, из-за кого ребята сложили головы.

...В Грозный бросали партиями по 8-10 человек, моя очередь наступила на третий день. Попал в обслуживающий персонал реактивной установки «Град». Пока 40 стволов зарядишь (каждый снаряд весом 100 кг), спина мокрая и в глазах темно. Иногда до часу уходило на подготовку установки к бою.

Столько раз я хорошо отделялся, что стал верить в свою звезду и в то, что родился в рубашке. Нас накрывали такие минометные обстрелы, что страх вперемешку с огнем заставлял умереть. Не раз я уже шептал: «Прощайте, любимые!» Но выживал, дышал, шел дальше...

Однажды на моих глазах соседний взвод попал под перекрестный огонь, и все 15 человек полегли, лишь двое остались в живых благодаря тому, что тащили боезапас и приотстали.

Те, кого смерть пощадила, кто протопал своей дорожкой до центра Грозного, 4 февраля были счастливы. Выход частей на площадь Минутка означал взятие города. Все упивались победным мгновением, и вряд ли кто задумывался о будущем. Мы стояли здесь, а весь остальной мир находился где-то далеко-далеко. Даже родные, от которых давно не было весточек. Под Новый год мне остро завидовали изголодавшиеся по почте ребята – я получил сразу 14 писем! Но предскажи кто-нибудь, где мне доведется вновь читать родные строчки, не поверил бы.

Произошло это почти через четыре месяца, в конце апреля, на койке ставропольского госпиталя. После Грозного нам было суждено познать настоящий Кавказ, его горы. Ночные переходы в полном боевом снаряжении (автомат, лопата, в вещмешке цинк с патронами, 30 гранат, батарея для рации), когда ориентируешься на спину впереди

идущего и каждый шаг чреват падением в пропасть.

Походил я и во взводе гранатометчиков, потаскал на себе АГС (автоматический гранатомет станковый), у которого ствол весит 18 кг, «улитка» – 15 кг и сам станок – 15 кг.

...Мину не слышал никто, может только те, для кого она прошелестела мимо. Земля словно перевернулась. Очнувшись, долго еще не мог вспомнить и осознать происшедшего. Спас бронезилет, а все остальные части тела посеколо осколками. Может, это и была моя новая рубашка, сохранившая жизнь? Ведь та, первородная, сберегавшая меня раньше, давно истлела под воздействием огня, пота, грязи...

Мой больничный этап пролегал через Моздок – Владикавказ – Ставрополь. В госпитале просили не волноваться, особенно тех, кто не мог взять ручку: о вашем местонахождении известим родственников телеграммой. Оказалось, вранье. Связи не было неделю, другую... Пришлось самому писать родителям горькую правду.

Я не в обиде на судьбу. Мне еще посчастливилось вернуться.

Пусть меня изрешетил раскаленный свинец, пусть мои кровные «боевые» денежки присвоены кем-то (или они в обороте и все же дойдут до меня), пускай не могу устроиться на работу. Но почему к нам такое отношение, начиная с верхов и заканчивая окружающим обществом? И сколько ни пытаюсь найти объяснения, прихожу к выводу, что нас использовали в качестве маленьких винтиков огромного механизма, приносящего прибыль.

На такой грустной ноте завершил свою исповедь мой собеседник. В городе добавился еще один человек, который будет приходить к Вечному огню, к памятнику воинам срочной службы и прощаться, прощаться с боевыми друзьями. А мы, зная из истории, что война во все времена была прибыльным делом, так и не сумеем объяснить себе, почему страна становится все слабее и слабее как физически, так и морально.

И будем задавать вечные вопросы. Куда и кому идут деньги: за поставки вооружения (военно-промышленный комплекс дышит на ладан, а люди оборонки не получают зарплату), на восстановление разрушенного хозяйства Чечни, на оплату «боевых» участникам наведения конституционного порядка? И пока не прозвучит ответов на них, денежная река будет продолжать свой поток в неизвестном направлении.

Александр НИКИШОВ.

ОТКРОВЕНИЕ

Однажды в интервью корреспондентка,
Польщенная моим вниманьем к ней,
Черкая карандашиком пометки,
Спросила, убивал ли я людей?
И видя, что не тороплюсь с ответом,

Добавила, взглянув в окно на снег:
«Скажи, а что ты чувствовал при этом?
Наверно, жалость – все же человек...»
А я вдруг вспомнил серую дорогу,
Фугасы, пулеметы на горе,
Сапера, друга верного Серегу,
Разорванного в клочья в сентябре.
Улыбчивого, доброго пилота,
Его семью в деревне на Днепре
И экипаж, сгоревший в вертолете,
Десантников спасая в декабре.
Отметки непонятные на карте,
Деревни, все объятые огнем,
И школу, что сожгли чечены в марте,
И школьников, сгоревших в ней живьем.
– Ну а теперь прости за откровенье,
– Я отвечаю прямо на вопрос:
– Что чувствовал я? – Удовлетворенье!
И, может быть, совсем немного – злость.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Меня не так легко сломать –
Я в жизни через все прошел,
Успел я много повидать,
Но смысла в жизни не нашел.
Я понял только лишь одно:
Что все движения нелепы,
Мы рождены, чтоб умереть,
И смысл жизни только в этом.
Но чтобы время сократить
С рождения до самой смерти,
Мы все должны чуть-чуть пожить.
И это так, вы мне поверьте.
Чтоб было легче умирать,
Чтоб не жалеть, что ты родился,
Чтоб можно было всем сказать:
Я жил, любил, искал, трудился.

ДВУЛИКАЯ ИСТИНА

Две подружки – рука об руку,

Одна без другой никогда не бывает,
Два совершенно разных облика –
Одна играет, а с другой играют.
Одна за решеткой времени спрятана,
Другая вне клетки – свободна.
И только одним жизнь и смерть связаны –
Обе они женского рода.

Жизнь умиляет своею глупостью,
Цель не ясна, средства туманны...
То и дело встречаешься с ее скупостью,
Прося хоть толику небесной манны.

У смерти для тебя нет предложений,
Она молча делает свое дело.
Забирает душу твою для будущих воскрешений,
На три дня родным оставляет тело.

Наверное, жизнь свою надо в кого-нибудь вкладывать,
Хотя для чего – все равно не понятно.

Но, может, тогда она станет радовать,
В отдельные моменты становясь приятной.

Вот тогда можно со смертью спорить,
Отбрасывая себя в конец очереди.
Не к ней готовиться, а ее для себя готовить,
Относясь к ней, как отец к дочери.

Еще неизвестно, как что происходит,
Может быть, смерть жизнью кончается...
Но ведь каждый сюда зачем-то приходит,
Для чего-то он здесь появляется.

Жизнь и смерть что-то от меня прячут,
Хотят сделать из меня уroda.
Это просто слова, они ничего не значат,
Кроме того, что они – женского рода.

Никишов, А. Там прибыль – выше подвига и жизни : [размышления участника контртеррористической операции в Чеченской республике, г. Краснотурьинск] / Александр Никишов // Заря Урала. – 2001. – 6 февр. (№ 17). – С. 3 : фот.